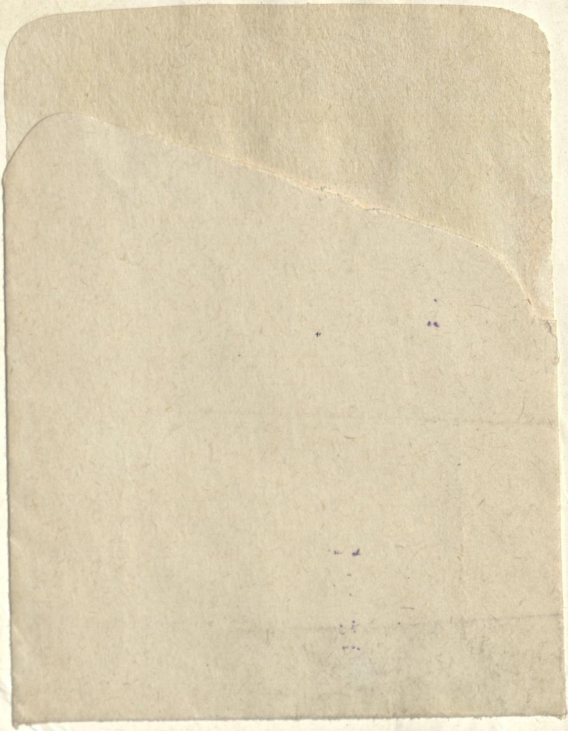
ДМИТРИЙ БЫНСКИЙ

СТИХИ

ПОЭМЫ



Д. БЛЫНСКИЙ

Р2
Б70

СТИХИ ПОЭМЫ



Орловская городская
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

ОРЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

Р2
Б70

Дмитрий Иванович Блынский — наш земляк, орловец. Он член КПСС, член Союза писателей. Окончил литературный институт имени А. М. Горького.

Первая книжка его стихов «Сердцу милый край» вышла в Орле, в 1957 году. Вторая — «Иду с полей» — в Москве, в 1959 году, в издательстве «Советский писатель». В 1962 году в издательстве «Советская Россия» вышла еще одна книга Д. Блынского «Сенокос в Разливе».

Стихи Дмитрия Ивановича неоднократно печатались в журналах «Октябрь», «Огонек», «Смена», «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Подъем», в газетах «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Литература и жизнь».

1965
24/X ИМ



БАЛЛАДА ОБ ОРЛЕ

Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.

Раздался в плечах он, шире стал,
В охапку берет рассвет.
На веру ему — четыреста,
На взгляд — восемнадцать лет.

Под вздох топора горячего,
Под посвист чужой стрелы
Услышали детский плач его
Впервой на яру орлы.

Еще он едва утра достиг,
Далекий от ждущих дел,
Сам Грозный, смеясь от радости,
Младенцу в глаза глядел.

Глядел, причитая, окая,
На гребне крутого рва:
Живи, чтоб Москва далекая
Надежней была жива.

Встань, руки расставь, чтобы вороги
Не смели нести разбой
В пределы Руси, что дороги
Песчинкой своей любой.

Вся сила твоя в народе, чей
Прикрой сине-край крылом,
Недаром веленьем родичей
Тебя нарекли Орлом...

Над ярью лесной, сутулою
Он рос, охватив версту,
Ходил на свиданье с Тулою
И с Брянском играл в лапту.

В ночи налетали вороны,
Ползли среди дня ужи,
А он на четыре стороны
Глядел, не сходя с межи.

Мужал он, и шли столетия,
И недруги шли опять,
И злобу к его земле тая,
Катились с позором вспять.

А он похудел от голода,
От горя и сед и стар,
Вставал на руинах молодо
Отважней, чем в дни татар.

Но новая банда хитрая
С заката торила путь,
Грабители Лжедимитрия
Хватали его за грудь.

В карманах разбойно шарили,
Бросали во тьму огней,
А он — не в лихом пожаре ли!—
Мужал, становясь сильней.

Лесами, путями торными
Шли немцы к нему с огнем,
Одежда кусками черными
Отваливалась на нем.

Но раны опять залечены,
Опять закипел рассвет,
И краше, чем до неметчины,
В одежду свою одет.

Стоит он над гордой кручею,
И все — и размах и страсть —
Дала ему власть могучая,
Советская наша власть.

Ока под ногами вспенена
Дыханьем его степным,
И красное знамя Ленина,
Шумит на ветру над ним.

Пой, ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему.



ОДА РОДНОМУ КРАЮ

О, край мой срединный — луга да поля
С черемухой, с песней и с тыщей забот,
Где, если земля,
То такая земля,
Что стержень железный — и тот прорастет.

О, край мой отцовский над русской рекой,
Я счастлив — родиться мне здесь довелось,
Где, если уж ливень,
То ливень такой,
Что, кажется, землю промочит насквозь.

Иду я полями — навстречу встает
Как будто из солнца отлитая рожь,
А дальше — мой лес,
Где, иди целый год,
Иди целый век — и его не пройдешь.

А песни, а сколько богатых невест —
И в меру красивых, и нет их верней.
Встречать бы парней,
Что вздыхают окрест,
Да много своих неженатых парней.

И пусть перерыв не проходит без ляс,
Возьмутся за дело — и тут их не тронь,
А если уж девушка
Пустится в пляс,—
Ее каблуки высекают огонь.

А если уж дед — ему семьдесят лет!
Но как не посметь от старухи тайком
Моргнуть молодухе —
Ну, чем он не дед!—
Да той молодухе, что кровь с молоком.

С друзьями встречаюсь то там я, то тут,
Их плечи круты, как обрыв-берега.
А если уж руки,
То руки, что гнут
Тележные шкворни в бараньи рога.

Случись непогода — готовы помочь,
Из города ты или ты из села,
Недаром у сердца
И солнце не прочь
Занять для себя доброты и тепла.

О парне в спецовке, о старце седом
Иначе я в жизни сказать не могу:
Из солнца и воздуха
Выстроит дом,
Коня-рысака подкует на бегу.

Он любит ракиты над венами рек,
Он с каждой земною травинкой знаком,
Но если уж ступит
На Марс человек,—
Я верю — он будет моим земляком.



ПЕРВЫЕ СТИХИ

М. И. Четвертковой-Андреевой

Всю ночь писал,
А было мне тринадцать,
И я забыл про долгий счет часам.
А утром даже ей не мог признаться:
Сложил стихи, но как —
Не знаю сам.

Боялся —
Отругает за ошибки,
За то, что ручку я не так беру,
Мол, лучше б ты
О рыбаке и рыбке
Получше сказку выучил к утру.

Как ей сказать, чтоб не была в обиде,
Что я пришел, не выполнив урок,
Что я писал, перед коптилкой сидя,
Писал тайком
И не писать не мог.

Я обращался к вишням и черешням,
В ночи я слышал мирный шум ольхи.
Я написал стихи о ветре вешнем,

О Дне Победы
Первые стихи.

Я видел у белеющей березы
Ее, двадцатилетнюю, в слезах.
Я написал
Про солнечные слезы,
Про слезы горя
На ее глазах.

Ей не дождать домой отца-солдата,
Цветами холм порос,
Где спит жених.
Она глядела долго вдаль куда-то
И думала, и думала о них.

И плакала от горя и от счастья,
Ученикам шепча, что, наконец,
Дождешь ты очень скоро брата, Настя,
И не замедлит, Ваня,
Твой отец...

Казалось мне, что не она —
Другая
Смеялась с нами, пела в перерыв,
Заботливо цветы оберегая,
Слепые окна школьные раскрыв.

Казалось мне, что не она —
Другая,
Кого, как мать, мне думалось, я знал,
Сурово, строго у доски ругая,
Кому-то двойку ставила в журнал.

Как ей сказать, чтоб не была в обиде,
Что я пришел, не выполнив урок,
Что я писал, перед коптилкой сидя,
Писал всю ночь
И не писать не мог.



СЕРДЦЕ

Здоровое сердце
Не слышно, как бьется.
Оно не стучит
Кулаком своим в грудь.
Мол, вот я какое,
Мол, мне достается.
Мол, ты про меня
Никогда не забудь.

Здоровое сердце
Без крика и грома
Беззвучно стучит,
Не хвалясь, не грозя,
Спокойно,
Как будто бы нет его дома,
Как будто бы нет,
А без сердца — нельзя.

Здоровое сердце
Скромнее и строже
Без устали бьется,
Не смея устать.

Поэзия!
Спутница жизни!
Ты тоже
Должна быть
Здоровому сердцу под стать.



ОСТРОВ РОЖДЕСТВА

Утром пчелы за медами дивными
Улетают из пчелиных рам,
А по тихим сельским вечерам
Хлещут ливни звездные над Ливнами.

Яблоко — тяжел и грузен сад —
Упади — и тишина расколется,
А в саду на бревнах, у околицы —
Старики, как двести лет назад.

Вяжут в узел разговора пестрого
Нужные, отборные слова,
Сравнивая праздник рождества
С гибелью Рождественского острова.

Говорят о слове «рождество»,
Словно о своем о дне рождения,
Все живое, доброе, весеннее
Вкладывая истинно в него.

Никогда вовеки, где бы ни были,
Не слыхали, чтобы наяву

Люди применяли к рождеству
Смысл огня кромешного и гибели.

О, далекий остров Рождества
Посредине океана Тихого,
Где сплетеньям молний даже вспыхивать
Не могла позволить синева.

Синева безоблачного купола
И воды безбрежной синева.
О, далекий остров Рождества,
Атомная смерть тебя нащупала.

Разрывают черные грибы
Небосвод над водами и сушею,
Чтобы завтра за рекою Зушею
Так же вскинуть землю на дыбы.

Чтоб такими ж вечерами дивными,
В темноте, опередив Луну,
Сбросить ту же бомбу в тишину
Где-нибудь над маленькими Ливнами.

Яблоко — тяжел и грузен сад —
Упади — и тишина расколется,
А в саду на бревнах, у околицы —
Старики, как двести лет назад.

Тут ли сидя, уходя из сада ли,
Об одном у них сегодня речь:
Сад растить и яблоки беречь,
Чтоб одни плоды на землю падали.

1962 год.



РУССКИЕ ЛАКИ

Мастерам села Федоскино,
товарищам по кисти

Песню Па́леха или Хо́луя
Мне не спутать с твоей вовек,
Для меня ты, село веселое,
Просто-напросто Человек.

Познакомить с тобой мне хочется
Всех знакомых со всей земли,
Лишь по имени да по отчеству
Величать бы тебя могли.

Словно мастер, со вкусом меряя —
Как длина, мол, да ширина,—
Из земных лоскутов материи
Сшила платье тебе весна.

Платье шелковое, шуршащее,
Все из зелени-синевы,
С полем, с лугом, с лесною чащею,
Где тропинки совсем как швы.

Липы белые, точно в инее
Воротник с твоего плеча,
Вдоль подола полоска синяя
По названью река Уча.

Крыши рыжие вместе с русыми
Полукружием встали в ряд,
Представляясь большими бусами,
На груди у тебя горят.

Не заборы видны с калитками
И не сложенные дрова —
Русским «крестиком» полы вытканы,
Вязью вышиты рукава.

Всех друзей своих в самом деле я
В дом знакомый к тебе веду,
В дом, где все твое рукоделие,
Удаль русская — на виду.

Мы проходим шагами гулкими
В глубь столетий на двести лет
И склоняемся над шкатулками,
Что струят, излучая, свет.

Чудом вырезаны из радуги,
А оттенков разлив такой —
От молочных ночей на Ладоге
До ночей над Курой-рекой.

Мчится тройка с невестой-ладою,
С добрым молодцем сквозь века,
И слезинка дрожит, не падая,
На реснице коренника.

Ярко клубами, густо взбитыми,
Загораются — что пурга!—
Под подкованными копытами
Ископыченные снега.

Мчится тройка при свете месяца
Вдоль по Питерской, по Тверской...
А шкатулка в руке уместится,
Даже скроется под рукой.

На другую глядим, на пятую,
На десятую мы глядим:
Знамя, ветром седым распятое,
Рвется через огонь и дым.

Над прорехами, над заплатами
Сталевара и чабана,
Над губами, от гнева сжатыми,
Знамя катится, как волна.

То взметет, то подастся вниз оно,
Чтобы сделать еще бросок...
А шкатулка... Она расписана
Кистью тонкою, в волосок.

Мы разглядываем двадцатую,
Мы над сотою полчаса,
Словно сами с мечтой крылатою
Устремляемся в небеса.

Звездный сад плывет, не кончается,
В росах вымытый поутру,
А в окошке Земля качается
Свежим яблоком на ветру.

56175
Орловская городская
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

Красота, красотища — вот она,
Только в сказке рождаться ей.
А шкатулка рукой сработана
Человеческою, твоей.

Будто ветром отполирована,
Солнцем радужным облита,
У рассветов и вечеров она
Заняла для себя цвета.

За околицей тропка узкая
Нас уводит в литую рожь.
Как же по сердцу песня русская,
Та, которую ты поёшь.



РЕВНОСТЬ

Записку я оставил на столе.
Ее слова давно тебе знакомы:
«Меня не будет месяц на Земле,
Но не грусти: не так уж далеко мы».

Прочтешь и вспомнишь молодость, жена:
По месяцу то в Братске, то в Каховке.
«Теперь с Луны на Марс и вновь Луна,—
Уж эти мне его командировки».

Летит ракета плавно и легко,
Спешит на Марс — опаздывать неловко.
Уже Луна совсем недалеко —
Единственная наша остановка.

Я уношусь все дальше от полей,
От русского ромашкового лета,
Чтобы успеть попасть на юбилей
Большого марсианского поэта.

Я обернусь назад — передо мной
Плывущий шар — планета голубая,

Где ты мне кажешься такой земной,
Смотрящей в небо, изредка вздыхая.

Я прилунюсь и помашу рукой,
И в этот час ты будешь так близка мне,
Как будто я на камне за Окой,
А не на дальнем синем лунном камне.

Скалистая, безмолвная Луна...
А в эту ночь ты так следишь за нею,
Как будто стала на глазах она
Соперницей бессовестной твоею.

Но год пройдет, и ты, простясь со мной,
Опять вздохнешь, моя земная вера:
«То хоть дружил он с Марсом и Луной,
Теперь его свела с ума Венера».

Прости меня за все мои мечты,
За то, что я в дороге неизменной,
Но я хочу, чтобы под старость ты
Меня приревновала ко Вселенной:



СЕРП И МОЛОТ

1

Был разговор у них и прост и краток
У той ли у околицы села,
Чтоб в доме были счастье и достаток,
Взял молот мой отец, мать серп взяла,

И не дорогой, ветреной и дальней,
Где, что скрывать,— чужая сторона,
Они ушли: он — в кузню к наковальне
И в поле за околицу — она.

Стоял отец с крученными усами,
Стоял у горна до исхода дня,
И блики на лице его плясали
Немого языкастого огня.

На наковальне гнулась сталь тугая,
Ударом присмиренная одним,
И будто бы отца оберегая,
Крутые искры гасли перед ним.

Удар, удар! Удары друг за другом,
Один, другой, еще, еще и вновь,
Чтоб сделался осколок солнца плугом,
Что завтра на дыбы поднимет новь.

А мать давно шумевший клин дожала,
Но разве так легко уйти с полей:
Мать на ладони зерен горсть держала,
И становилось матери теплей.

Казалось, в темноте они осветят —
Такой был в зернах солнечный накал,
И были так похожи зерна эти
На россыпь звезд, что молот высекал.

А мать стояла у снопа ржаного,
Пылающего будто бы — не тронь,
И сноп похож был — думалось ей снова —
На языкастый кузничный огонь.

2

Встречаю я давно на пьедестале,
Когда широкой площадью иду,
Рабочего с колхозницей, что встали
Открыто у прохожих на виду.

Шаг замедляя, прохожу я мимо
И вглядываюсь в гордые черты,—
Я говорю в душе, я вижу зримо:
Мать, это ты, отец, и это ты.

Пусть мир покуда надвое расколот:
Здесь — смех и песня, там — мольба и вой,
Чтоб в мире было счастье, серп и молот
Вы подняли, скрестив над головой.

И прикрепили мы его недаром
На грудь Луны в том памятном году,
Чтоб перед всем земным летящим шаром
Был серп и молот вечно на виду.



БЕЖИН ЛУГ

Далеко —
За Неручью и Зушею
У костра друзья мои в кругу.
Глядя в небо,
Я лежу и слушаю
Голоса на Бежином лугу.

Говорят друзья, ничуть не хвастая,
Строги и серьезны голоса.
И такие речи их
Цветастые,
Речи, как ночные небеса.

Говорят про сказки-привидения,
Про Кащея с Бабою-Ягой,
Про Луну,
Которая с рождения
Не была довольною такой.

Не хватало солнечного света ей,
А теперь, ясна и горяча,
Движется,

Как будто бы одетая
В полушубок с русского плеча.

Вспоминают Солнце...
Вечно с ним была,
Что птенец у птицы под крылом,
Нынче ж согревает
Пламя Вымпела
Лунные «моря» земным теплом.

Говорят про то, как руки синие
Небосвод над ними распростер.
Сыплет звезды, звезды негасимые
В разнотравье росное,
В костер.

Звезды, звезды...
Падают и светятся...
Их, звенящих — глаз не отвести!—
Небосвод ковшом Большой Медведицы
Черпает из Млечного пути.

Будет утро с шумами веселыми,
И друзья увидят, как вокруг
В жар-цветы, в сиреневое полымя
Превращает звезды
Бежин луг.

Звуки, звуки...
Резкие и длинные,
Вы околдовали всех ребят.
Это нет, не песни соловьиные
И не коростели дробь дробят.

Мол, не обошел еще полмира я,
Только эти звуки мне близки:
Козерог склоняется
Над Лирою
И Стожары жмут на каблуки.

Пляшет Марс, поет Венера.
Близкого —
Ближе и роднее не найти —
В гости ждут
Землянина российского,
Что от них уже на полпути.

Ах, друзья,
Навечно вам подарены
Небеса во весь свой гордый рост.
У костра сидят
Мои Гагарины
В галстуках,
Что сотканы из звезд.



МУЖЧИНЫ ПЛАЧУТ

Георгию Спасову.

Ест племянник мой яблоко всласть
И, сжимая, боится уронит.
А народу вокруг на перроне —
Даже яблоку негде упасть.

Поезд прибыл в Москву из Софии
С ветеранами прошлой войны.
И болгарские речи слышны,
И цветы пламенеют живые.

Машет, машет племянник рукой,
Не поймет он, что все это значит:
— Посмотри-ка, мужчина, а плачет,
И к тому же огромный такой...

В первый раз он увидел объятья,
Перевитые руки мужчин.
Житель Плевны и наш смолянин
Обнялись, как законные братья.

Мимо них я с мальчишкой иду,
Не поймет он, что все это значит:

— Посмотри-ка мужчины, а плачут,
И к тому же у всех на виду.

Как ему объяснить на вокзале
Про какую-то злую войну,
Где им пальцы рубили в плену
И на спинах слова вырезали.

Где, забыв, что такое слеза,
Лишь сдвигали от мук они брови.
И дымилась рубаха от крови,
И горели сухие глаза.

И не поняв, что все это значит,
Ест племянник мой яблоко всласть,
Только хочется знать ему — страсть! —
Почему это взрослые плачут.



ЯБЛОНИ НА ЛУНЕ

М. Светлову

Не с пулеметом, не с кривой секирою
Я на Луну отправлюсь в первый раз, —
В саду отцовском
Саженцы я вырою
И:
— До свиданья, край мой!
— В добрый час!

Я где-нибудь вблизи от моря Радости
Для них делянку лучшую найду,
И будет, поднимаясь,
Лунный сад расти
У всей планеты нашей на виду.

Когда же зацветут, бушуя, саженцы,
Откроется такая белизна,
Что всем влюбленным на Земле покажется:
Светлей и ярче
Сделалась Луна.

А осенью, в земные дни погожие,
Я все Земле сторицею верну:
Она получит яблоки,
Похожие
Величиной и цветом
На Луну.



* * *

Я шел дорогою земною
То через степь, то среди скал,—
Тебя, что выдумана мною,
Я годы долгие искал.

Спешил скорее повстречать я,
Покуда ты была ничьей.
Я представлял: ты в ярком платье
Из крепких солнечных лучей.

Тебя я сравнивал с Россией,
Где над ручьями зреет лен,
В льняные косы лентой синей
Один из тех ручьев вплетен.

Когда б тебя я встретил — «Здравствуй!»,
Хоть сам не свой, сказал давно б,
Увидев твой венок цветастый,
Сплетенный из июльских троп.

Тебе, труднейшей из загадок,
Что мне загаданы в пути,

Букет цветов из звезд и радуг
Я был готов преподнести.

Но изменилось все случайно:
Прости, что я в родном краю
Девчонке с нашего комбайна
Кувшин с водою подаю.

Стоит девчонка у штурвала,
Сверкают бронзой икры ног.
Под ливень платье попадало,
На солнце выгорел платок.

Девчонка пьет и не напьется —
Такой уж зной у нас в хлебах,
И пляшет радостное солнце
На влажных девичьих губах.

И так в ответ смеется звонко,
Что, позабыв про все цветы,
Я понял — это не девчонка,
А мною найденная —
Ты.



* * *

В. Солоухину

Как выпить солнце, ты спросил.
Смотри: я солнце пью,
И потому — достаток сил,
И потому — пою.

Как выпить солнце, ты спросил,
Смотри: я солнце пью,
И свет, что ярок и красив,
Наполнил жизнь мою.

Где б ни был я — и там и тут,
В моем родном краю,
Как воду пригоршнями пьют,
Я жадно солнце пью.

Повсюду, в разные часы,
Природе вопреки,
Я пью из капельки росы
И из большой реки.

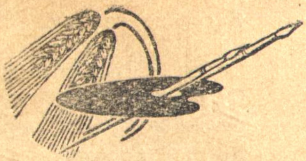
Пройду ли я над бездной круч,
Шагну ль через межу,—

В скопленье самых черных туч
Я солнце нахожу.

Струится свет от рыжих кос,
От головы седой,
От камня даже, что оброс
Зеленой бородой.

Домой под вечер торопясь,
Шагая по полям,
Люблю месить крутую грязь,
Что с солнцем пополам.

Чтоб свет в душе моей не гас,
Как на исходе дня,
Я солнце пью из добрых глаз,
Что смотрят на меня.



В ЗАГОРСКЕ

(Из цикла)

Кто он, откуда? — твердим всерьез мы.
Он чей-то сын или, может, зять.
И с плеч сползают такие космы,
Охапка сена — ни дать ни взять.

Он бороденку растил давно бы,
Да только оная не растет.
От мрачной кельи ли, от хворобы
Как яма грудь, как бугор живот.

Он мне ровесник, а может, тезка,
Стоит под свечкою не дыша,
Глаза из меда, лицо из воска
И из потемок сама душа.

Кому он молится в этот вечер?
Зачем он ходит под образа?
Его святой Иоанн Предтеча
Глядит с улыбкой ему в глаза.

Глядит с издевкой, остро и косо,
Какой, мол, к черту, я божий сын,

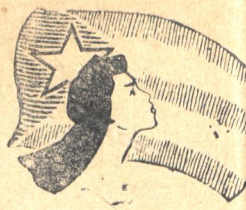
Я — сын Ивана-каменотеса,
Каменотес Алексей Фомин.

Да, я с Андреем Рублевым в город
Ходил за красками по три дня,
Под сводом Троицкого собора,
Под тем окном он писал меня...

Но что поймешь ты, мой мнимый тезка,
Дрожишь под свечкою не дыша,
Глаза из меда, лицо из воска
И из потемок сама душа.

Ты исподлобья следишь за мною,
Как пламя свечки, труслив и тих,
Я тоже верующий, не скрою:
В Рублевых верую и в Фоминых.

Взгляни, послушай, товарищ мистик,
И гласу истинному внемли:
Молюсь я тоже,
но только
Кисти,
Зубилу
кланяюсь
до земли.



ПЕСНЯ О КУБЕ

И вечером поздним и утренней ранью
В мечтах моих Куба далекой была,
А нынче лежит на таком расстояньи,
Как будто деревня моя от Орла.

О гордая Куба, ты горько вздыхаешь
По девочке мертвой под грудой камней.
Она, как сестра моя Нинка, такая ж,
И только глаза у нее потемней.

В лугу, за Прудками, на мать свою глядя
С косою идущую утром к ручью,
Над кручами Сьерра-Маэстра в засаде
С винтовкой нацеленной вижу твою.

Огромные листья раскинув, как руки,
Сраженная пальма дрожит на ветру.
А мне тяжело, словно после разлуки
Я мертвой березу нашел поутру.

Стреляют враги в тебя, выставив дула
Заранее, Куба, цепями звеня,

А мне в мою сторону гарью подуло,
И пуля едва не задела меня.

Недаром за солнце, за песни Гаваны
Встает на планете большая семья:
Хуаны, и Жаны, и наши Иваны,
Такие ж обычные парни, как я.

В оливах шумящих по горным откосам
Победно звучать будет трубная медь,
И женщина сменит винтовку на косу,
И дочка родится, и пальме шуметь.

12 апреля 1961 г



ЧЕЛОВЕК

(Кубинская сказка)

С невзгодами споря,
В неведомый век
У синего Моря
Ходил Человек.

Лишь Солнце вставало
В предутренней мгле,
А он уж, бывало,
Копался в Земле.

А море шумело,
По суше скорбя:
— А кто это смело
Корежит тебя?

Кто Землю кромсает
У самой воды
И ест-поедает
Земные плоды?

Кто режет родную
Вблизи и вдали,
Себя именуя
Владыкой Земли?

Кто, весел и светел,
Упрямый вовек?..
И пахарь ответил,
Что он — Человек.

— Но что же ты сто́ишь,
Владыка земной,
В сравненьи с Землею,
С Землей и со мной?

А солнце сверкало,
Песками пыля:
Такого накала
Не знала Земля.

Буран на просторе,
Исполненный сил,
Хвастливое Море
Песком заносил.

И Морю не охнуть,
Разинуло пасть,
Боясь пересохнуть
И вовсе пропасть.

Каналы от Моря
Прорыл Человек
И сделал их вскоре
Течением рек.

Где был только камень —
Поднялся тростник,
Чтоб ветер с песками
К воде не проник.

Деревья и травы
Взрастил у воды,
И слева и справа
Созрели плоды.

Земля засветилась
От всех перемен:
— Я дам тебе силу,
А ты мне — взамен?

А ты мне, кто светел,
Упрямый вовек?
— Я беден,— ответил
Земле Человек.

Не знал я ни скуки,
Ни праздного дня,
Но есть только руки
Одни у меня.

А что б ты желала,
Награду любя?
— Ни много, ни мало,
Желаю — тебя!

И Море ревниво
Вздохнуло вдали,
Щекою прилива
Коснувшись Земли...

Стоит он, гадает,
И как не понять,
Что рук не хватает,
Чтоб Землю обнять.

С невзгодами споря,
Не старясь вовек,
У синего Моря
Живет Человек.



РАДУГА

(Аргентинская сказка)

В седые времена, как говорится,
В один из самых неприметных дней
Заметили догадливые птицы,
Что радуга становится бледней.

Куда девались краски-разноцветы,
Сверкавшие над ними с давних пор?
И чтоб узнать про то, со всей планеты
Слетелись в лес на первый птичий сбор.

Тогда одежда птиц была другая,
Похожая у всех, а не своя.
И цвет павлина или попугая
Был серым, как теперь у воробья.

И вдруг одна из птиц, легко и ровно
Спустившись с неба, села у дупла
В таком цветастом опереньи, словно
Она частицей радуги была.

Глядит на незнакомых и знакомых,
Нетерпелив, тревожен птичий взгляд:
— Известно ль вам, что тучи насекомых
Вокруг несчастной радуги кружат?

Они твой голос обращают в лепет,
Копье, аркан — в беспомощную нить.
Не разгроми — они Луну облепят
И даже Солнце могут заслонить.

Я набираю самых смелых стаю,
Кто насмерть бьется — только этот мой.
Но я недаром вас предупреждаю:
Не все вернуться можете домой.

Переглянулись робкие:— Не к спеху.
Коль дом увидеть суждено не всем.
А те, что согласятся — будет смеху!—
Наверно, станут голыми совсем.

А смелые — их больше втрое было —
В далекий путь отправились тотчас.
В лицо хлестал им ветер, буря била,
Да так, что искры сыпались из глаз.

Казалось, нет путей-дорог обратных
Туда, где тишина в родном краю,
Когда в огромных движущихся пятнах
Они узнали радугу свою.

И с ходу, с лету, быстры и кипучи,
Рванулись в гущу непролазной тли,
И мертвые коричневые тучи,
Подхваченные ветром, поползли.

Какое чудо в чудо превратится,
Кто, ожидая, знал — одна мечта!—
Что серую одежду каждой птице
Окрасит радуга в свои цвета.

И сколько было зависти и лести
У серых птиц, забившихся в кусты,
Когда вернулись их друзья все вместе
Сверкая опереньем с высоты.

И с той поры, с того седого века,
Как древнее преданье говорит,
Лаская взор Земли и Человека,
Семью цветами радуга горит.



ШУТКА ГИЛЯЯ

Памяти В. А. Гиляровского

Принимали роднею всею,
Было радости — через край:
В гости к старому Алексею
Прибыл сын — молодой Гиляй.

Угощали отменной чаркой,
Поднимали за тостом тост:
— Жизни яркой!
— Работы жаркой!
— Звезд земных, а не с неба звезд!

Говорили про то, как в поле
Выла вьюга, белым-бела,
Как из хлева, в снегу, в подоле
В кухню мать его принесла.

С перекатами да с лесами
Вспоминали свои места,
Где купался трех лет он в Сяме,
В тихой речке, упав с моста.

Где на умном своем Абреке
Семилетний скакал ездок
Бездорожием, через реки —
Самой лучшею из дорог.

Плечи вольные расправляя,
Хохотал он:
— Держись, карга!—
И сгибалась в руках Гиляя
Двухметровая кочерга.

И еще не прошла минута
И не стихли его шаги,
Как завязан был узел круто
Из подавшейся кочерги.

Удивлялись роднею всею:
Не видали такого в жизнь.
Только очи у Алексея
Кровью гневною налились:

— Портишь вещи?! Такой детина,
А совсем еще как дитя.
И, рванув кочергу у сына,
Развязал ее не шутя.

И опять прибаутки сея,
Были радостны через край:
В гости к старому Алексею
Прибыл сын — молодой Гиляй.



НА ЮЖНОМ БАЗАРЕ

Тут ко мне интерес особый,
Голоса тут из края в край:
— Не скупись...
— Подходи...
— Попробуй...
— А попробовал — забирай!
— Мандарины!
— Черешни!
— Сливы!
— Персик твой!
— И хурма твоя!
— Что не лезешь в карман, трусливый,
Или там у тебя змея?!

В одиночку, а часто хором,
Мол, наверно, язык прирос...
Я ж подмигиваю помидорам
И на перец кошусь всерьез.

Пробираюсь между рядами.
Речи весело-горячи.
Пахнут клубнями и плодами
Даже солнечные лучи.

Как же хочется все потрогать,
И попробовать не беда:
Фрукты, овощи — к локтю локоть,—
Как на смотр, собрались сюда.

Яблок... Словно со всей России
Отрясли на базар сады.
Крутобокие и литые,
Точно луны, лежат плоды.

А на солнце, как поросята,
Дыни греются там и тут.
Лишь бока им погладь слегка ты —
Сразу хвостиками вильнут.

— Винограду? А сколько надо?
Виноградина как слеза.
Посмотри-ка, у винограда
За тобою следят глаза...

— Абрикосы не смотрят косо,
Только б мимо ты не прошел,
Слышишь, просятся абрикосы,
Чтобы взял их себе на стол.

— Видишь, лето какого цвета,—
Смешан с солнцем янтарный мед.
Покупай поскорее лето,
А не купишь — другой возьмет.

Тут ко мне интерес особый,
Голоса тут из края в край:
— Не скупись..
— Подходи...

— Попробуй...
— А попробовал — забирай!

И никак не уйти от взгляда,
От зовущих крикливых глаз.
Ах, базары, где всё, что надо,
Почему не люблю я вас?!



ЧЕТЫРЕ ЦЕЛИНЫ

Стоит он, как пращур,
Что с вилами шел на Батыя,
Стоит он, старик-садовод,
Как воинственный князь.
На высохших черных руках его
Жилы витые,
Что корни у яблонь,
Узлы завязали, сплетясь.

Лицо бороною годов
Взбороздили морщины,
Но он не желает судьбы
Горячей и новей:
Он горд, что идут по планете
Четыре мужчины,
И каждый —
Один из любимых его сыновей.

А саду невмочь
От плодов золотого налива,
Не ветер вздыхает —
Антоновка дышит сама.

Краснее аниса,
Девчонка бежит торопливо,
И в сумке почтовой
Трясутся четыре письма.

Четыре письма!
И на верхнем — рукою меньшого
По-детски коряво и наскоро
Строчкой косой:
«Алтай, Кулунда»—
И одно непонятное слово,
Размытое каплей дождя
Или, может, слезой.

Забыл садовод,
Что стоит под ранетом,
у тына,
Лишь видит он, слушая
Дальний размашистый гром,
Алтайскую степь,
Что распахана трактором сына,
Да этот листок,
Не дописанный ржавым пером.

Ты вспомни, Гаврила,—
Киркой, топором, да лопатой
И ты поднимал целину —
Десятину свою
На самом юру, на ветру,
Над лощиной горбатой,
Как будто у мира,
У жизни на самом краю.

Читает он письма...
Уносится к старшему сыну,

С кем в поле, корчуя
Столетние корни, мечтал:
Построить бы крылья
И, грешную землю покинув,
Подняться бы к Солнцу,
Как древний Икар и Дедал.

Подняться б над яром,
Над крышей ребрастою —
к свету...
Ах, старый Гаврила,
Другие пришли времена:
Твой сын запускает
На небо такую ракету,
Что вечным становится
Спутником Солнца она.

Ах, старый Гаврила,
Ты знал ли вчера про такое:
И люди — и сын твой!—
Вот-вот на Луну полетят.
И взял бы тебя он
В большую дорогу с собою,
Да сад без присмотра
Нельзя оставлять на ребят.

Читает он письма...
Читает от третьего сына,
Которому в толщу веков
Заглянуть довелось,
Буравя планету,
Спускаясь в земные глубины,
Дремучую Землю
Стараясь увидеть насквозь.

И ты ведь, Гаврила,
Все той же киркой да лопатой
Промерзшую трижды
Земную долбил целину.
Ты рыл для отца,
Что от голода умер когда-то,
Могилу — два метра в длину
И один в ширину.

Последний потертый конверт...
Без конца и без края —
Ледовое поле,
Куда б ты ни ехал, ни шел.
И синюю, в вечном снегу,
Целину поднимая,
С Гаврилиным сыном
На Полюс идет ледокол.

И будто бы видишь ты
Белые дальние дали,
И будто бы крошится лед
У тебя на виду,—
Недаром утрами,
Чтоб бабы белье полоскали,
Ты прорубь не раз прорубал
На протоке во льду.

Пускай голова,
Как ранет закипающий в мае,—
Душа, словно сад
В августовскую пору, полна:
Идут сыновья по земле,
Целину поднимая,
Идут, и у каждого сына —
Своя целина.

Он садом проходит,
Где прежде шумела крапива,
Где раньше годами
Цвели острова лебеды,
И тянут, как руки,
Тяжелые ветви налива
Ему отовсюду
Свои золотые плоды.



ЦВЕТЫ НА СНЕГУ

СЛОВО ПЕРВОЕ

I

У него борода,
Как березовый веник.
Он стоит у межи,
Он глядит на макушки берез:
Сколько вышло бы веников,
А сколько бы выручил денег,
Если б ветки связал
Да на рынок отнес?!

С горстью теплой земли,
Что в широкой ладони зажата,
Он стоит, эту землю
Готовый домой унести,
Да поди — разве станет богаче
Иванова хата
От земли,
Принесенной в горсти?

Добрый день, Иван Ваныч,
Поле — книга открытая — глянь-ка!—
Глухо трактор гудит,

Выводя за строкою строку,
А на тракторе — дьявол,
Твоя разудалая Танька,
Что на радость и горе
Досталась отцу-старику.

Он бормочет в усы:
Нету девке ни сна, ни покоя,
Уверяет: со счастьем
Встречаться ль не мало во сне,
А какое там счастье,
Скажите на милость — какое,
Если, скажем, у девки
Живот прилипает к спине?!

Эх, найти б ему зятя,
Достойного мужа Татьяне.
Председатель артели..
Да что с него, с Пашки-то, взять?
Чтобы всеми
Статьями
Вышел
Будущий зять.

Он сегодня богаче
Всевышнего господа бога.
Знать, продажа березовых веников
Была не плоха.
А по этому случаю
Выпил с кумою немного
И ушел поскорей
От греха.

Эх ты, прошлое...
Вон оно, как на ладони:
Все твое —

От оглобли до пары гнедых-вороных,
А теперь ходят кони,
Колхозные, общие кони,
А на рынок тащись
На своих на двоих.

Он стоит у межи,
Коренаст, невысокого роста,
Узелками обвязанный —
Столько покупок припас.
Ожидает он дочь
Далеко за деревней не просто —
Он ей скажет о том,
Что сказать собирался не раз.

Трактор ближе и ближе.
И вот уже машет рукою
Непослушная Танька,
Обида его и слеза.
Вся в пыли и мазуте.
Легко ли встречаться с такою?
Только светятся зубы
Да блестят голубые глаза.

Неужели пройти
По земле невозможно без шума,
Никого не задев,
Никому не подставив ноги?
И зачем это лезть на рожон?
Если в сердце несветлая дума,
Глубже спрячь до поры,
До хорошего дня сбереги.

Не пройдет и недели,
Тревожной и страшной недели,

Немцы будут в селе.
Так зачем же, какого рожна...
Хоть паши не паши,
Хоть трудись не трудись, а на деле,
Что корове седло,
Так твоя пахота мне нужна.

Поднял руку — и трактор
Как вкопанный встал у дороги.
— Отдохнула бы, что ли,
Ну, прямо покойница мать.
Брешут люди, что немцы
Уже, почитай, на пороге.
Есть тут мысль у меня:
Нужно трактор зарыть, закопать...

Трактор снова взревел.
Рад старик, что Татьяна согласна,
Что отца ей вовек,
До скончания дней не понять:
Переменится власть —
И машина твоя, это ясно,
Вот тогда-то соседям
Покажет он кузькину мать...

Над полями, проселками
Пьяные тучи повисли,
Захмелев, разбрелись
У дороги немые кусты.
И доволен старик,
Что никто не прочтет его мысли,
А поди догадайся,
Что думаешь ты.

На отшибе села —
Одинокая хата.
Ни темна, ни светла,
Ни бедна, ни богата.

От бревна до бревна
Вся из красного теса.
На село три окна
Смотрят хмуро и косо.

Перед каждым окном
Наклонилась ракита,
Что зеленым плющом
До плеча перевита.

Ставни с мелкой резьбой
И крылечко с резьбою.
Свой колодец и свой
Ручеек под горою.

Каждый корень в саду,
Вросший в землю на сажень,
Может, в пятом году,
Был Иваном посажен.

В хате каждый предмет —
От стола до ухвата —
Им на тысячу лет
Сделан прочно когда-то.

Пусть там люди кричат.
Все, что сделал,— для Тани,
И еще — про внучат
Нужно думать заране.

За порядком следя,
Дремлет Рыжий у сада:
От гвоздя до гвоздя
Все на месте, как надо.

С давних лет, с давних пор —
Будь то поздно ли, рано —
Вижу я сквозь забор
За работой Ивана.

То он чинит шлею,
Счетовода ругая,
Вспоминая свою,
Что под крышей сарая;

То сидит с колесом —
Переломаны спицы.
Есть свое, но о том
Разве можно открыться.

Мог порою сказать:
Мол, всегда заходи.
Будешь принят, как зять,
Жизнь — она впереди.

Лучших яблок найду.
Будь со мной до зари.
Хоть объешься в саду —
Лишь домой не бери.

Но придешь к шалашу
С темной думкой — держись!
Спину так почешу —
Будешь помнить всю жизнь.

А дорогой в ночи
Мимо сада и хаты —
Трактора, тягачи:
Отступают солдаты.

До утра бы успеть
Всем побыть у колодца,
Чтоб в глаза не смотреть
Тем, кто здесь остается.

3

Платье самое лучшее
Ты надень —
Песня слышится грустная
В этот день.
Ах, нельзя ли запеть ее
Веселей
Рядом с Ивановой хатою
У тополей.
Нет, не от счастья-радости —
От тоски
Дробь выбивают девичьи
Каблуки.
Нет, не от встречи с милыми
У девчат
Туфли самые лучшие
Так стучат.
Эх вы, глаза ребячьи,
От этих глаз
Девки сегодня пьяные
В первый раз.
Девки сегодня пьяные
В первый раз:

Так нажарю хлыстом —
Будь жених иль невеста,—
Не захочешь потом
Сесть на мягкое место.

Это было давно,
До войны это было,
А теперь на гумно
Ему выйти постыло.

Реже, реже старик
Ходит даже на рынок.
Может, просто отвык,
Может, жалко ботинок.

Лишь порою, хмельной,
Скажет пришлому гостю:
Мол, расстроен женой,
Что лежит на погосте.

Мол, зачем старику
Выходить за калитку?
Сам я хлеб испеку,
Сам штаны себе вытку.

Но ночами тайком
Он выходит за хату:
Эх, горишь, окоем,—
Тяжко нашему брату.

Смотрит в красную даль
Сквозь мужицкие слезы:
Ну, а все-таки жаль,
Что пылают колхозы.

Парни, им видеть хочется
Рядом вас.
Спорить и целоваться,
Да чтоб потом
Тихо сидеть за свадебным
За столом,
Знать, что медовый месяц
Пришел всерьез,
Время открытой радости,
Тайных слез.
Если б сбылись желанья
Когда-нибудь,
Но только лететь залёткам
В далекий путь.
Но только — дорога к огненной
Полосе,
Откуда домой вертаются,
Но не все.
Нет, не от счастья-радости —
От тоски
Дробь выбивают девичьи
Каблуки:
— И-эх, дроби трепака
Веселей и звонче.
Что там завтра, а пока
Веселимся нонче.

— До свиданья, отчий дом,
Красный куст смородины,—
Добровольцами идем
На защиту Родины.

— Ой, калина, ой, малина,
Что ты ветки наклонила?

Я дружочка-бригадира
Во солдаты проводила.

— Плясать пойду
С оглядкою:
Как быть, как жить
Солдаткою?

4

«Ишь, солдатка... А придут германцы
Сразу по-иному запоешь.
Это вам не с Пашкой обниматься,
Мять-толочь нескошенную рожь.

Да за эти самые припевки
Вздернут на осиновом суку.
В рот воды набрать вам нужно, девки,
Сив старик, но верьте старику.

Языки — они ведь злые всюду.
Ты живешь не где-нибудь в степи.
Скройся в хату, наживи простуду,
Знай себе в две дырочки сопи»...

Тихий, одинокий, позабытый,
В стороне от всех односельчан,
У окна под сумрачной ракитой
Думу думал горькую Иван.

Тут, в селе, на этом самом месте
Родила его когда-то мать.
Жили не тужили, честь по чести,
Дом имели, сад и вдруг — бежать?

На руках шершавые мозоли,
От которых кулаки не сжать.
Сколько съел он в этой хате соли,
Сколько лет здесь прожил, и — бежать?

5

Вечера на свете разные.
Свежий вечер. Бабий рев...
Подметают небо грязное
Веники прожекторов.

Все село — седое, строгое,
Я сравнить бы с сердцем мог,
Что наполнено тревогою,
Что сжимается в комок.

Тут до шутки ли, до смеха ли.
Вздохи женщин, трудно им:
Мужики — одни уехали,
Завтра — очередь другим.

Женихи... Теперь двух слов от них
Не услышите — молчат:
Эх, легко ль недоцелованных
Оставлять в селе девчат?

За плетнями, частоколами
Люди думают о том,
Чтоб голодными да голыми
Не остаться им потом.

В землю — девичье приданое.
Хлеб, наряд, что был в роду.

Только старое да рваное
Оставляют на виду.

Сад, где яму с гневной силою
Роет завтрашний солдат,
Если б можно, в землю милую
Он зарыл бы даже сад.

6

Ночь. Гроза. Тревога. Только люди
Остаются и теперь людьми.
Эй, хозяин, кто тебя осудит?
Ты жену покрепче обними.

Вспоминая кровное, родное,
До рассвета не сомкнешь ты глаз:
Может быть, с любимою женою
Ты сегодня спишь в последний раз.

Хорошо касаться осторожно
Этих милых обнаженных плеч.
Кто там говорит, что с ходу можно
За родную землю мертвым лечь?

Лечь, чтоб никогда уже не гладить
Эти плечи, руки, эту грудь.
А попробуй ты о листопаде,
Что шуршит по стеклам, позабудь.

На рассвете спят отцы и дети,
Снятся им закаты дальних стран.
Одному не спится на рассвете,—
Ходит у завалинки Иван.

Ходит по усадьбе черной тучей.
Пять рубах на нем — на всякий случай.
А поверх сатиновых рубах
Полушубок, что смолой пропах.

Не вернулась дочь сегодня снова,
Девка позабыла стыд и срам.
Никогда же не было такого,
Чтоб домой вертаться по утрам.

Доля, доля, старикова доля,
Нет переживаниям числа.
Девка, девка, как бы ты в подоле
Урожай отцу не принесла.

7

А за хатой, за дорогой
Кто-то чью-то жмет ладонь:
— Ты меня пока не трогай,
Вот вернись, тогда и тронь.
Рыжей роще на сугоре
Осень волосы стрижет.
Двое думают о море,
Двое думают о море,—
Одному идти на флот.
Ветерок подул над чащей,
Но совсем тепло вокруг,
То ль от рощи от горящей,
То ль от губ, что вспыхнут вдруг.
Двое думают о море,
Что далеко от села.
Жили в дружбе, были в ссоре,
Но любовь одна была.

Эх вы, травы, эх вы, росы,
Эх ты, синий окоем,
Хорошо идти в матросы,
Хорошо идти в матросы,
Только лучше бы вдвоем.
Задымили всюду трубы,
И заря — во всю длину.
—...До чего же твои губы
Не похожи на войну.

. . . . . .
. . . . . .

8

Не вчера ль еще хозяин плетью
Сек Ивана в детстве: «В сад не лазьте».
Завтра двадцатичетырехлетье
Отмечать бы надо красной власти.

Только не придут в село газеты
И над школой не повесят флага.
Где ты, жаркий день, и вечер, где ты,
В каждом доме льющаяся брага?!

Не вчера ли Павел, уезжая,
Говорил колхозникам недаром,
Чтобы ни зерна от урожая
Не осталось завтра по амбарам.

Нужно спрятать все, как есть, по хатам,
Будет так надежней и сохранней,
Говорил: вернусь домой солдатом,—
И угнал коня с зарею ранней.

Говорил: придем в края родные
И глазами люд угрюмый мерил.

Может быть, и верили иные,
Только он, Иван, ничуть не верил.

Знал одно Иван: забудь усталость,
Если есть приказ — колхоз по хатам.
Только чтобы лучшее досталось...
Подходящий козырь стать богатым.

Дома у Ивана плуг и жатка,
Хлеба — яма целая зарыта,
Все хватай, а будешь ждать порядка —
Сядешь у разбитого корыта.

Бабы не осудят. Где им, слабым,
Справиться с кузнечными мехами,
И потом, зачем все это бабам,
Хоть, поди, язвили да вздыхали:

— Уж не в гроб ли тащишь, уж не
в гроб ли?
Ты ж умрешь, Иваныч, по дороге...
Он не слушал. В руки брал оглобли
И тащил домой с мехами дроги.

Хорошо иметь бы дома сани,
Да поди попробуй, сдвинь их с места.
А сказал об этом утром Тане —
Сорвалась, что курица с насеста:

— Как тебе не совестно, не стыдно,
Как в глаза ты смотришь только людям.
За тебя и горько и обидно —
Жить-то как потом в артели будем?

9

То ветром, то острой крупкою
Хлестает тебе в лицо.
Бежишь ты по лужам, хрупкая,
Домой, на свое крыльцо.

Что́ ветра порывы резкие,
Что́ дождь и секущий град,
Коль галстуки пионерские
За пазухою лежат!

Лежат лоскуты материи,
Которые ты смогла,
Колдобины, лужи меряя,
Собрать со всего села.

На улице ли, у двери ли
Друзьям открывалась ты.
Вздыхали порой, но верили
В забытые лоскуты.

И виделось всем заранее:
В октябрьскую ночь впотьмах
На крыше, над школьным зданием
Полощется красный флаг.

И виделось всем заранее,
Как рвутся враги туда...
Зовут тебя люди Танею
И дьяволом иногда.

10

Сегодня он проснулся до рассвета.
Взглянул на Таню. Спит. И вышел в сад.

Гремят недалеко разрывы где-то,
Да так, что в окнах стекла дребезжат.

И вздрогнул он: а вдруг не станет хаты,
Петух, и тот не крикнет на заре...
— Куда же ты, хозяин мой, куда ты?—
Скулит продрогший Рыжий в конуре.

Но он, хозяин, с непонятной болью
Идет в село, он их встречать не прочь.
А может, нужно б выйти с хлебом-солью,
Но так, чтоб даже не видала дочь.

А может... Нет! И с думой невеселой
В село вошел он, ко всему готов.
И вдруг, как пламя из трубы,— над школой
Огромный флаг из красных лоскутов.

Постой, Иван, куда же ты, куда ты?
Взгляни на флаг, на гордый плеск его.
Быть может, в нем лоскут от каждой хаты
И одного лишь нету — твоего.

Уже враги, пути в ночи разведав,
Спешат в село и видят крыши хат.
Взгляни: «Да здравствует страна
Советов!»
На штукатурке вырезан плакат.

Идет Иван, односельчан ругая,
Что так и лезут к черту на рога,
Как будто есть в запасе жизнь другая,
А эта — трын-травой!— не дорога.

А ты дрожи — из-за голов горячих
Пришьют еще и Тане с ним статью
За то, что сукин сын какой-то прячет
Обиду на тебя, на дочь твою.

Домой вернулся, сгорблен и невесел:
— Они владеют, может быть, Москвой,
А тут на школу кто-то флаг повесил.
— Сегодня ж праздник!
— Праздник, да не твой.

И стену исцарапали, как дети.
Когда б с тем резчиком я был знаком,
Я на виду округи буквы эти
Заставил зализать бы языком.

Я грешным делом думал поначалу,
Что нет по озорству тебе родни.
— Отец, ты слышишь?..
На селе звучала
Отрывисто чужая речь.
Они...

СЛОВО ВТОРОЕ

I

У него борода,
Как березовый веник.
Специально отращивал,
Словно для этого дня:
Не успел он торопко
Сойти на гумно со ступенек,
Как вцепилась в нее,
Как схватила ее пятерня.

Помутилось в глазах,
Стало небо на землю похожим,
Закружились ракиты
И хата пошла ходуном.
— Был ты белым, старик,
Будешь ты у меня чернокожим,
Если в хате твоей
Мы хоть гильзу пустую найдем.

Только б дочь обошел
Этот взгляд не по-вражьему вражий,
Только б Таню не трогал
Зеленый до пят остолоп.
У ракиты стоит не дыша,
Перепачкана сажей,
В старомодном платке,
Что по-бабьи надвинут на лоб.

В хате все перерыли,
Штыком даже трогали стену,
Обыскали подвал,
Заглянули с опаской в углы.
И как будто той самой
Ненайденной гильзе в замену
Все подряд забирали —
От коровы до ржавой иглы.

Опоздал, не сумел...
А теперь посмотри, как приперло.
Вот собрать бы в кулак свой
Последние силы ему
Да схватить — будь ты проклято все! —
Офицера за горло,
Хоть его одного,
Но с собою возьму.

Как же Таня тогда?
Невеселая эта затея.
Ты уж лучше послушай,
Подальше держась от греха,
Как, прощаясь, корова мычит,
Как солдаты, потея,
Петуха не поймают.
Помоги им поймать петуха.

А за тыном в саду
Что-то резкое треснуло глухо.
Тихий жалобный визг,
От которого бросило в дрожь...
Неужели, Иван,
Не найдешь ты ни силы, ни духа,
Вытри, милый, глаза
И руками их больше не трожь.

Лучше вспомни, как с Рыжим
Вы сад караулили вместе
Среди дремлющих яблонь,
Среди луговой тишины,
Как ему ты рассказывал
Всякие думы и вести,
Как с мальчишек нередко
Он стаскивал молча штаны.

2

Нет, не думал вначале
Про такую беду:
Топоры застучали,
Зазвенели в саду.

Столько вишен там было,
Столько яблонь росло,
Что к нему приходило
До зимы все село.

Наградит, коль захочет,
Только помни про грош:
Даже чирий не вскочет
За здорово живешь.

Жизнь провел он в работе,
А работал в поту:
Каждый куст на учете,
Каждый сук на счету.

Заболеет ли вишня —
Так старик загрустит,
Что (припомнить не лишне)
Пропадал аппетит.

А зимой на сугробы
Было тошно глядеть:
Снял бы валенки, чтобы
Ноги грушам одеть.

Нет, не думал вначале
Про такую беду:
Груши, сливы трещали
У него на виду.

Ах, какая досада,
Ах, зачем же подряд?..
Но уже среди сада
Ветви яблонь горят.

Но уже мимо хаты
Прогремел грузовик.
И смеются солдаты,
И вздыхает старик.

3

Ты послушай, Иваныч,
Медный звон колокольный.
Церковь немцы открыли,
Служба в честь рождества.
И такой ты довольный,
Ах, такой ты довольный,
Что никак, одеваясь,
Не найдешь рукава.

Проходя переулком,
Любопытным девчатам,
Тронув шапку рукою,
Поклонился не раз.
А в иное бы время
Обложил ты их матом,
Чтоб поменьше трещали
И не пялили глаз.

Вот и снова, как прежде,
Запах ладана, воска...
(От волненья спадают?
Ты поддерни штаны.
Не осудит Спаситель,
Намалеванный броско,
Что глядит, не моргая,
На тебя со стены).

Помолись-ка, Иваныч,
Успокойся ты, скоро
Хор затянет акафист
О рожденном Христе.
Слушай, только не кашляй,
Для церковного хора
Безразлично урчанье
У тебя в животе.

Слушай... Кто он?— Миряне,
К нам вернулся антихрист,
Он в зеленой шинели,
Он Иуде сродни.
С ним нельзя нам мириться.
(Люди сразу притихли).
Наша армия близко,
Значит, мы не одни.

Бейте ирода, бейте,
Жизнь поставлена на́ кон.
Пусть земля у злодея
Под ногами горит...
Слушай, слушай, Иваныч,
Даже с клироса дьякон,
Даже бог твой с тобою
По душам говорит.

4

Он шел домой и вдруг перед собою,
Где с вечера сковал ручей мороз,
Увидел на снегу лоскут обоев,
Что, может, ветер из лесу принес.

Не утерпел, поднял, зашел в затишье
И огляделся: нету никого.
Глазами красных букв четверостишья
Внимательно смотрели на него:

«Гнется по ветру рябинушка
До самого ствола.
Партизанская дубинушка
Фашистам тяжела.

На мосту сплошной содом,
Там и молния и гром:
Поезд ехал, не доехал —
Ловит рыбу подо льдом».

Читать не мог он дальше и поспешно
В сугробе спрятал скомканный лоскут.
Никто Ивана не видал, конечно,
Не то — до полусмерти засекут.

Всего вокруг глазами не окинешь:
С забора, с клена, что в снегу продрог,
Смеялись лоскуты ему такие ж
Морщинами веселых, четких строк.

Висит лоскут в лесу ли, на опушке,
У комендантских ли глухих ворот,—
Проходит час — и новые частушки,
Пусть про себя, но все село поет.

А там, глядишь, уйдет в село другое
Другой старик с котомкой за плечом.
Он все равно захватит их с собою,
Которым даже обыск нипочем.

Он не успеет выйти из предместий,
Они его обгонят, как мечта:
Большие крылья у хорошей вести,
Передающейся из уст в уста.

5

И похожи недели
На года, на века...
А ракиты редели
На глазах старика.

Он все чаще и чаще
Обнажал желваки,
И, с рожденья молчащий,
Знал — молчать не с руки.

Но кому ты расскажешь,
Что живется невмочь,
Если дочь твоя даже
Вроде дочь и не дочь.

Ночью позднею встанет,
Сам себе же постыл:
— Таня, где же ты, Таня?—
След у девки простыл.

А вчера у закута —
Помнит истинно он —
Шепот слышал как будто,
Пашкин шепот сквозь сон.

Встал. А дочь на пороге
Нет, не дочь — сатана:

— Зябнут в валенках ноги,—
Улыбнулась она.

Обняла его плечи
И припала к груди:
— Если б знал ты о встрече...
— Ты рехнулась, поди.

И задумалась:— Волга...
И вздохнула:— Урал...
К нам в село ненадолго
Прилетел генерал.

Нет, открыться легко ли,
Ты, я вижу, не рад?..
Завтра вечером в школе
Будет делать доклад.

Генерал — загляденье,
Я видала сама,
И хожу целый день я
От него без ума.

И безвольно повисли
Плети рук старика:
Что у девки за мысли,
Он не знает пока.

— Не бывала ты пьяной,
А сегодня пьяна.
И запела Татьяна
Тихо, еле слышна:

«— Гнется по ветру рябинушка
До самого ствола.

Партизанская дубинушка
Фашистам тяжела...»

— Да за эти припевки
Не сносить головы!
Вы их стро́чите, девки,
Так я думаю, вы.

. . . . . .
. . . . . .

6

Языками шершавыми лижет поземка
Спины хмурым сугробам в предутренний час.
У разрушенной школы сердито и громко
Комендант отдает за приказом приказ.

Завернув ребятишек разбуженных в полы,
Люди тянутся молча по свежей тропе.
Те, что встать не могли, их везут, и у школы
Растворяются в черной притихшей толпе.

Даже горько скрипеть сиротливым воротам
На сухом, на таком же бездомном ветру.
Ну, хотя б потянуло коровьим пометом,
Молоком, что давно не стучит по ведру.

Нет над хатами синих дымков на рассвете,
И к колодцу впервые никто не пришел.
Неподвижна толпа. Всхлипнут изредка дети
И уткнутся опять в материнский подол.

Неподвижна толпа. А поземка клубится,
Заглушая чеканную русскую речь:
— Среди вас партизаны. Откройте их лица,
Коль хотите себя и детей уберечь.

Всколыхнулась толпа...— Если вы промолчите,
До последнего всех поведем на расстрел.
Крепко сжал кулаки, разогнулся учитель,
На солдатку спокойно пастух посмотрел.

И ни крика, ни слова, ни крика, ни слова.
—...Бог свидетель один—перебьем наповал.
Голос дрогнул, умолк и послышался снова:
— Где они, эти люди, кто школу взорвал?

В середине толпы пошатнулся, как пьяный,
Онемевший Иван. Поддержите его.
Почему же и он со своею Татьяной...
Никого ж не обидел, как есть никого.

Неужели молчать всякий знающий станет?
Поскорей бы... грешно ли — во имя села...
— Танька, стерва, куда ты?..— И крикнула Таня:
— Это сделала я, это я взорвала!

7

Они лежат на каменном настиле,
Что, как стена заснеженная, гол.
Когда ее с допроса приводили,
Он на допрос за нею следом шел.

Дочь будто все на свете позабыла,
Молчит, и ей ничем уж не помочь.
Отцу твердят: открой нам все, что было,
И мы спасем, и мы отпустим дочь.

Скрипели глухо черные ворота,
И горько было на него взглянуть.

Иван, быть может, и открыл бы что-то,
Когда бы знал хотя б о чем-нибудь.

Сегодня он проснулся очень рано,
А может, в думах пролетела ночь.
Он в сотый раз задумался: Татьяна
И дочь ему, Ивану, и не дочь.

Он не поймет, хоть век на свете прожит
(А жизнь прожить — не поле перейти!),
Где столько силы брать девчонка может,
Которой нет от роду двадцати?

Вчера еще могла сидеть, лежала,
А нынче утром от колен до плеч
Скрутили, оплели колючкой ржавой,
И ей теперь нельзя ни сесть, ни лечь.

Старик плечо ей под руки подставил
И так держал все утро на весу.
Металась дочь в бреду:— Послушай, Павел,
Тебе, наверно, холодно в лесу.

Все сделано по-твоему, как надо...
Он вспомнить не успел отца и мать...
У нас у всех одна теперь досада,
Что негде генералов принимать.

Ты опоздал... Я жду тебя у хаты...
Я жду тебя... ведь ты уже в пути.
У нас недавно кончились гранаты,
И ты хотя б десяток захвати...

Мы ждем тебя... — Но скрипнули ворота,
И сиплый голос:— Выходи, старик.

О, как хотелось крикнуть, крикнуть что-то,
Да снова будто колом стал язык.

8

И ведут одного
Три угрюмых солдата,
А в руках у него
Ржавый лом да лопата.

Мимо каменных груд —
Это память о школе —
Бездорожьем ведут
За околицу, в поле.

Лижет ветер сырой
Камни школы, как рану.
За околицей:— Рой!—
Приказали Ивану.

Тишина за селом
Этой ранней порою.
Гнется, горбится лом,
Землю мерзлую роя.

Три штыка за спиной —
Разогнуться ль Ивану?
Эх, старик, а иной
Оборвал бы:— Не стану!

Не моля о судьбе,
Но надеясь на силу,
Он не стал бы себе
Рыть при жизни могилу.

По колено, по грудь,
Весь по плечи ты в яме.
На село не взглянуть —
Рост твой вровень с краями.

Знаешь ты: никогда
Не видать тебе боле
Ну, хотя бы следа,
Что оставил ты в поле.

Осыпается край,
Тяжелеет лопата,
Только вдруг:— Вылезай!—
Слышишь окрик солдата.

Здравствуй, поле и лес —
Голубая подкова!
То ль из мертвых воскрес,
То ль родился ты снова?!

9

Нет, уж лучше бы не воскресать,
Лучше бы не видеть больше света.
Так о ней заботилась ты, мать,
А она — разута и раздета.

Полем, где любой комок земли
Знал ее, встречал и помнил с лета,
Без дороги по снегу вели,
А она — разута и раздета.

Что стряслось? Опять пришла ли ночь,
Помутились старые глаза ли:
Видел только, как столкнули дочь.
— Засыпай!— Ивану приказали.

Эх ты, Таня, Танька, чья вина,
Что стоишь в могиле ты, седая?
Вскинув кверху голову, она
На отца глядела, ожидая.

Гордая, стояла у стены,
В черных кровоточащих побоях.
И сказал старик:— Хоть нет вины,
Засыпайте, гады, нас обоих.

Сбили сразу. Оттолкнули прочь.
А когда опять вернулась сила,
Дочь была в земле по пояс, дочь,
Глядя в небо, в землю уходила.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

1

У него борода,
Как истертый березовый веник.
(За нее было очень удобно
Трясти старика).
Он стоит, одинокий,
Ни Тани, ни хаты, ни денег,
Только руки одни
Остаются своими пока.

А в груди загорается что-то,
Вот-вот загорится,
И тогда ты ничем не потушишь
Горящую грудь.
Собирал по бревну эту хату,
А вышло — для фрица,
Все твое — а не смей
Даже глазом в нее заглянуть.

Кто от молний, что небо хлестают,
Укрыть тебя сможет,
Если всюду по белому свету
Такая гроза?
Вроде век и не прожит еще,
А выходит, что прожит.
Ну, хотя бы заплакать,
Да, знать, пересохли глаза.

Прислонился щекой
К безответной завьюженной вербе,
И как будто живая,
Вздохнув, закачалась она.
Эх ты, жизнь моя, жизнь,
То ты полная, то на ущербе,
Все равно
Что луна.

Где-то пьяная речь,
Где-то воет бездомно собака.
Ну, хотя бы убили,
Неужто ей трудно помочь?
Смерть за каждым кустом
Ожидает Ивана, однако
Не пойти он не сможет
Туда, где зовет его дочь.

Через колкую вьюгу, кустами —
Дорога прямая.
Вот и холмик белеет под ивой
Среди темноты.
Опустился Иван,
Эту землю, как дочь, обнимая,
И почувствовал теплое что-то —
Лежали цветы.

Столько свежих цветов на снегу,
На холодной могиле,
Что еще и сегодня
В домах у знакомых росли.
Поливали их люди
И в зимнюю стужу хранили,
А теперь под угрозою смерти
Сюда принесли.

Люди, добрые люди,
Вся жизнь твоя прожита с ними,
Но ведь только сейчас,
С болью глядя на эти цветы,
Ты увидел людей
Не такими, как раньше,—
Иными,
И опять не такими,
Как ты.

2

Шумна, тесна от пьяных криков хата.
И к горлу подступает горький ком.
Зашел в сарай, где бочку он когда-то
Зарыл в углу от дочери тайком.

«Мой милый дом из двух обычных комнат
С кривым сучком в доске на потолке.
Где каждый гвоздь, забитый в стену, помнит
Хозяйский твердый молоток в руке.

Мой милый дом с гудящей русской печью,
Я сам сложил ее по кирпичу,
Ты оглушен не нашей пьяной речью,
А эту речь я слушать не хочу».

И вновь перед глазами у Ивана
Цветы встают на тающем снегу.
«Эх, дочь, незаживающая рана,
Я больше жить как прежде не могу».

А вьюга воет весело у сада,
Ей не утихнуть до утра теперь.
Под гул ее везде пройдешь, где надо,
И даже поплотней закроешь дверь.

Пусть больше пьют, пусть веселятся гости,
И ты, Иван, их только не вини:
Заранее на собственном погосте
Свои поминки делают они.

Шумела вьюга, с искрами играя,
И был пожару ветер белый рад.
К утру, к заре, не стало хаты с краю
И старика не стало, говорят.

3

Эх ты!.. Ширится пламя,
А душа весела:
Будто красное знамя
На отшибе села.

Вот когда-то над школой
Нужен флаг был такой,
Чтоб не снять его голой
Полицейской рукой.

Эх ты!.. Перед глазами
Расступается мгла:
Будто красное знамя
На отшибе села.

Обернулся, вздыхая,
И опять — прямиком,
А дорога плохая,
Да и путь незнаком.

Ни врага и ни друга,
Речь нигде не слышна.
Только русская вьюга,
Только вьюга одна.

Лес от самой излуки,
Где петляет река,
Распростер свои руки,
Чтоб обнять старика.

Буераки, отроги.
Лес сомкнулся, притих.
«Или сдохну в дороге,
Или встречу своих».

Только шелест метели,
Даже ветер зачах.
Держат белые ели
Тишину на плечах.

4

У скрещенья двух дубовых просек
Партизаны деда повстречали.
Дед, как лес угрюмый: что ни спросят —
Только молча хмурился вначале.

Только молча хмурился вначале.
— Кто вы и откуда? Что хотите?
А потом — с мороза, сгоряча ли —
Вырутался:— К главному ведите.

Лишь успел старик шагнуть в землянку,
Где с ладонь окошко с горстью света,
Слышит:— Иван Ваныч, спозаранку...
Растерялся:— Пашка... ты ли это?

Кто же думал, что такой порою,
В коловерти — и такая встреча.
— Ну, отец, рассказывай.— Открою
Все как было. Слушай, не переча.

Помнишь, говорил: колхоз — по хатам,
Будет, мол, надежней и сохранней.
Говорил: вернусь домой солдатом,
И угнал коня с зарею ранней?

Говорил: придем в края родные
И глазами люд угрюмый мерил.
Может быть, и верили иные,
Только я... И я теперь поверил.

Хату сжечь я сам себя заставил.
Шутка ль это — сердце поседело.
А еще скажу про Таньку, Павел,
Ты толкнул ее на это дело.

Но винить нельзя тебя — за что же?
Чай, и сам горюешь по невесте.
Не любил тебя я — нож по коже,—
Не хотелось быть твоим мне тестем.

Может, на меня таишь обиду,
Но у нас теперь одна дорога.
Только в коммунисты я не выйду,
Потому как верующий в бога.

...А наутро встал он ранним-рано,
Партизану каждому знаком,
И увидел мир лесной Ивана
У походной кухни с черпаком.

А наутро — пусть и не винтовка —
Так и надо, может быть, сперва,—
Черпаком орудовал он ловко,
Засучив по локоть рукава...

. . . . . .
. . . . . .

5

Кто ж тут глядит на платье —
К чему наряд,
Если глаза от счастья
У всех горят.
Если майор усатый
Выходит вдруг
С юной вдовою-матерью
В тесный круг.
А у майора стоптанные
Сапоги,
А у вдовы опорки
С мужской ноги.
Жми, гармонист, не слушай
Лихую дробь,—
Вдовью тоску развей
И печаль угробь.
Жми, гармонист, покуда
В руках огонь,
Завтра, быть может, станет
Вдовой гармонь.

Чаще, солдат, поглядывай
На девчат,—
Дробью не каблуки,
А сердца стучат.
Эта живет, наверно,
Одной мечтой,
Камень лежит тяжелый
На сердце той:
Как же ты схож, чертяка,
Хотя не брит,
С парнем, который где-то
Во рву зарыт.
Кто ж тут сумеет выдержать,
Устоять
Если звенят частушки
В селе опять,
Если сегодня — может быть,
В первый раз —
Сам Иван Ваныч шумно
Пустился в пляс.
Крикнул:— А кто осмелится
Мне помочь?
Я за двоих пляшу —
За себя, за дочь.
Ты не гляди, что стукнуло
Шестьдесят,
Что ордена у старого
Не висят.
Хоть похож на старика
На глухого, сивого,
Нет красивых, а пока
Заменю красивого.

Вышла девчонка бойкая:
Только, мол, нас не тронь,—
Будь под ногами камень,
Высекла бы огонь.
Так оно и надежнее,
Так оно и верней:
Воинов смелых — тыща,
Нет лишь таких парней.
Нет и не надо, если
Нынче об этом речь,
Только кому ж не хочется
Двух или трех завлечь...

Ах, сердечный огонь, ты гори, не тухни,—
Он вовек никогда не плясал до сих пор,
А в руках не черпак с полюбившейся кухни,
А топор, не точеный два года топор.
И припомнилось вдруг: «Если вы
промолчите,
До последнего всех поведем на расстрел...»
Крепко сжал кулаки, разогнулся учитель,
На солдатку спокойно пастух посмотрел.

Вот и снова, как прежде, знакомые лица:
Тот же старый учитель и тот же пастух.
И шагнул он в толпу, чтобы в ней
раствориться
Среди баб и детей, стариков и старух.

6

Простучали тропой полевой
Дождевые копытца
И умчались, теряясь
В охапке рассветных лучей.

Ненасытная радуга мая,
Чтоб вдоволь напиться,
Снова руку с ведром
Опустила в ручей.

Опустила над полем,
Над маленьким холмиком Тани,
Над единственным трактором
Буйно она расцвела.
Отразила всю землю,
Всю землю с травой и цветами,
С голубыми глазами
Хозяев села.

Он стоит у межи, за плечами сажень
(А когда-то
Тут на рынок ходил
И мечтал о коне вороном),
С горстью теплой земли,
Что в широкой ладони зажата,
Он стоит, бригадир,
И как есть, заодно агроном.

Трактор ближе и ближе.
Совсем он, грохочущий, близко,
По весне извлеченный
Из талой земли навсегда.
Вдоль могилы ползет,
Где глядит на простор с обелиска
Самодельная,
Словно омытая кровью, звезда.

Поравняется с нею,
С летящей звездой пятикрылой,

И, как будто салют отдавая,
Сильней заревет.
И опять с новой силой,
С какой-то неведомой силой,
Целину на дыбы поднимая,
Рванется вперед.

Трактор ближе и ближе,
Родной и знакомый до гайки
(Снова вспомнил Иван
Ту глухую свинцовую ночь).
А на тракторе — дьявол
С косами под кепкой, в фуфайке
И похож этот дьявол
До слез и до боли на дочь.

Вот он, девичий голос,
Звенит на ветру среди гула:
— Иван Ваныч, здорово!
Такой урожай впереди!—
Подмигнула дивчина,
На взрытую землю кивнула,—
Чернозем — хоть бери
Да на стол вместо хлеба клади.

Это верно. Он тоже
Мечтал о таком урожае,
Разбивая ногой
Темно-синий дымящийся пласт.
— Истомилась землица, что баба,
Давно не рожая.
Только, девка, увидишь —
С лихвой за два года отдаст.

Ну, бывай!— и ушел
С неразлучным своим землемером
Через пашню в село,
Сам с собой по привычке ворча.
Ах, такая земля,
Что на пашне становится серым
Оперенье
Грача.

Среди зелени буйной
Дождями омытые трубы
Тянут черные шеи
Еще кое-где до сих пор,
Но уже свои плечи
Расправляют сосновые срубы,
Где с утра бригадира
Ожидает топор.

— Добрый день, Иван Ваныч!—
Кричат старики и подростки.
— Бригадиру привет!—
И такая любовь в голосах.
И обнял бы девчат он
За то, что их руки в известке,
А мальчишек за то,
Что опилки блестят в волосах.

1957—1959

СОДЕРЖАНИЕ

Баллада об Орле 3
Ода родному краю 6
Первые стихи 8
Сердце 11
Остров Рождества 13
Русские лаки 15
Ревность 19
Серп и молот 21
Бежин луг 23
Мужчины плачут 26
Яблони на Луне 28
Я шел дорогою земною 30
Как выпить Солнце, ты спросил . . . 32
В Загорске 34
Песня о Кубе 36
Человек 38
Радуга 42
Шутка Гиляя 45
На южном базаре 47
Четыре целины 50
Цветы на снегу 55

Блынский Дмитрий Иванович

СТИХИ И ПОЭМЫ. Орел, кн. изд., 1963.
97 стр.

Р2

Редактор *З. Сидельникова*
Художник *В. Пуршев*
Художественный редактор *М. Зверев*
Технический редактор *Н. Кузин*
Корректоры *Ю. Кулюкина, Н. Косенкова*

* * *

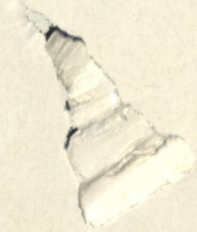
Сдано в набор 10/I 1963 г. Подписано к печати 21/VIII 1963 г. Формат бум. 70×90/32
Бум. л. 1,89 П. л. 3.78 Уч.-изд. л. 3,5
ФМ01113 Цена 17 коп. Тираж 10000 экз.

* * *

Типография „Труд". Заказ № 346

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы об этой книге просим присылать по адресу: г. Орел, Московская ул., 17 книжное издательство.



Цена 17 коп.

